

К. Д. Бальмонтъ. Змѣнные Цвѣты. М. Т-во Скорпионъ. 1910.

Въ этой книгѣ талантливѣйшаго изъ современныхъ русскихъ поэтовъ собраны путевыя письма К. Д. Бальмонта изъ Мексики, а также впечатлѣнія, отраженія, переложенія и переводы древне-мексиканской космогонической и мифологической литературы. О второмъ элементѣ книги мы воздержимся говорить, такъ какъ К. Д. Бальмонтъ не указываетъ источниковъ, откуда онъ беретъ свои сказанія, и, слѣдовательно, мы лишены возможности распредѣлить, что въ нихъ—*Wahrheit* и гдѣ—*Dichtung*. Если смотрѣть на нихъ исключительно съ эстетической точки зрѣнія, то, несомнѣнно, въ безконечномъ «цвѣтистомъ узорѣ начертаній царицы майевъ» и т. д. попадаются цѣлыя страницы высокаго поэтического достоинства и разсыпано великое множество яркихъ первобытныхъ образовъ, сочностью которыхъ не лишнее попятаться отоцалому воображенію нынѣшнихъ стихотворцевъ: эпосъ-то на Руси, вѣдь, совсѣмъ исчезъ. Но, все же, полагаемъ: г. Бальмонтъ лучше сдѣлалъ бы, если бы поставилъ собранный имъ матеріалъ на научный фундаментъ, болѣе прочный и удобопонятный, чѣмъ «языкъ майевъ». Знающихъ послѣдній не только въ Россіи, но и въ Европѣ, и во всемъ цивилизованномъ мірѣ не легче найти, чѣмъ бѣлаго дрозда или зеленого волка. Перекинуть мостъ отъ такой рѣдкости къ обыкновеннымъ смертнымъ совершенно необходимо. Съ небольшимъ количествомъ толкованій и указаній по даннымъ европейской науки, много выиграли бы въ интересѣ и понятіи стали бы читателю Девятикратная Собака, Троекратный Олень, Семикратно Разный Воздухъ, Кровавая Раковина Женщины и прочіе удивительные персонажи «Змѣнныхъ Цвѣтовъ».

«Путевыя Письма», открывающіяся выразительною датою 31 января 1905 года, къ сожалѣнію, подверглись нѣкоторымъ цензурнымъ сокращеніямъ, сравнительно съ первымъ ихъ изданіемъ въ «Вѣсахъ», что блѣднитъ ихъ политическую силу: уже не стало въ нихъ Тиртеева вопля, который вырвался въ ту злую эпоху изъ груди могучаго поэта и потрясъ многихъ, многихъ... Но и, за всѣмъ тѣмъ, очаровательны эти тридцать восемь страницъ эпистолярной прозы, лаконической и быстрой: каждое слово въ ней—лѣпкое и цвѣтное, живой и мѣткій образъ; вся она гудитъ и дрожитъ жизнью. Намекомъ, кивкомъ создаются волшебныя картины, проза, нарастая въ настроеніе, естественнымъ потокомъ переливается въ стихи,—и—кто бы ждалъ этого отъ возвышеннаго, патетическаго Бальмонта?—какой въ немъ богатый запасъ юмора, сколько мягкихъ улыбокъ! Прочитаешь «Путевыя Письма» Бальмонта, вы какъ будто сами въ незнакомой вамъ Мексикѣ побывали—и побывали красиво, умно, со знаніемъ, съ поэзіей... И—вѣчное и несравненное очарованіе Бальмонта: онъ можетъ быть

плохъ, онъ можетъ быть дикъ, онъ можетъ сердить читателя, можетъ досадливо смѣшить, но всегда и всюду онъ—онъ: сплошная цѣльность, священнодѣйствіе гордой оригинальности, порода безъ примѣсей и компромиссовъ, весь—первобытная самостоятельность глубоко сознающей себя и неуступчивой красоты.

Ив. Бунинъ. Деревня. 1910 г. Стр. 220. Ц. 1 руб. 25 коп.

Событія послѣднихъ годовъ выдвинули нѣсколько заглохшій интересъ къ деревнѣ. Теперь приглядываются къ мужику-хлѣборобу съ такимъ же вниманіемъ, какъ еще недавно приглядывались, по инципиативѣ марксистовъ, къ фабричному рабочему. Заинтересовала деревня всѣхъ, главнымъ образомъ, потому, что она показалась той былинной горой, благодаря которой «перевелись витязи на святой Руси». «Подбѣжить одинъ—и окаменѣетъ, подбѣжить другой—и окаменѣетъ». И вотъ надъ ней задумались. Опять выступилъ на сцену народъ-сфинксъ. Если одни, въ минуту растерянности, начали звать къ мужику и доказывать, что онъ одинъ выведетъ на истинную дорогу, то другіе увидѣли въ немъ, по-прежнему, «чудище обло, озорно, стозѣвно и лай.» Бунинъ, повидимому, примкнулъ къ послѣднему разряду. Его романъ даетъ удручающій портретъ нашего сфинкса. Картинки, которыя онъ рисуетъ, безнадежно мрачны. Народъ у него грубый, мелочной, тупой, бессмысленно жестокой.

Поэтъ соловей... Мужикъ слушаетъ его и мечтаетъ: «стрѣльнуть бы его»... «А зачѣмъ?». «Вотъ скувырнулся бы!». Недурная иллюстрація? «Народъ!»—возмущается герой Бунина.—«Сквернословы, лгуны, да такіе безстыжіе, что ни единая душа другъ другу не вѣритъ! Не намъ, не намъ, а другъ другу!И всѣ они такіе, всѣ!». Отовсюду только и слышно: «гниетъ деревня», «жить въ Россіи невозможно»...

То тамъ, то сямъ проскальзываютъ злобно-ироническія замѣчанія о конституціи, о Думѣ, о депутатахъ. Что, дескать, значать въ таксі темнотѣ эти маленькіе, кѣмъ-то зажженные огоньки?! Только отгнѣляютъ основной мракъ. Все это Бунинъ рассказываетъ просто, безъ подчеркиваній, спокойно, безъ всякой лирики и обличеній... И впечатлѣніе получается изъ его картины безотрадное, безнадежное.

Конечно, никто не станетъ отрицать правдивости многихъ картинъ Бунина. То темное, что онъ рассказалъ—правда. Но полная ли правда? Неужели же такъ-таки нѣтъ въ деревняхъ никакихъ просвѣтовъ? Не можетъ быть. Какъ хотѣлось бы услышать правдивый, хотя бы даже не вполне грамотный, подлинный рассказъ о деревнѣ какого-нибудь мужика, деревню любящего, знающаго и въ ней живущаго. Сейчасъ нужно изучить деревню, не увлекаясь ни въ ту, ни въ другую сторону, выяснить ее. Это—одна изъ насущныхъ задачъ.